
СНЫ НА ПРОДАЖУ
Александр Татун

Александр Татун

Сны на продажу

«Автор»
2026

Татун А.

Сны на продажу / А. Татун — «Автор», 2026

Алекс не видит своих снов — после аварии мозг блокирует их. Поэтому он покупает чужие. Однажды ему снится женщина в красном платье. Она говорит: «Ты пришёл. Я ждала». Он находит её профиль. Ева Ланн, художница. Умерла год назад. Но её сны продолжают появляться — новые, живые. Будто она где-то есть. Алекс выясняет: Ева застряла в нелегальной программе «Вечность». Она жива — но не в теле. В снах. И не может выйти. Чтобы спасти её, он должен войти в программу. Найти. Убедить вернуться. Или остаться с ней навсегда. Но у всего есть цена. История о том, как мы убегаем от реальности. И о том, что иногда, чтобы вернуть кого-то к жизни, нужно рискнуть своей.

© Татун А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. «Сестра» 8
Глава 3. «Разработчик» 11
Глава 4. «Берлин» 14
Глава 5. «Создатель» 18
Глава 6. «Мир Евы» 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Александр Татун
Сны на продажу

Сны на продажу

Глава 1. «Сон № 347»

«Я покупал сны, как другие покупают сигареты. Каждую ночь. Не потому, что хотел. А потому, что не мог иначе. После аварии я перестал видеть свои. Врачи говорили: "Защитная реакция. Мозг блокирует сны, потому что в них слишком много боли". Я не знал, что мне снилось. Но я знал, что не хочу это видеть».

— из дневника Алекса Ковальски

Сны на «Somni» стоили дёшево. Обычные. Как фастфуд. Ты платишь, надеваешь обруч, закрываешь глаза — и через восемь часов просыпаешься с ощущением, что жил. Немного. Чужой жизнью. Но жил.

Алекс покупал сны каждую ночь. Не потому, что ему нравилось. А потому, что не мог иначе. После аварии он перестал видеть свои. Врачи говорили: «Это защитная реакция. Мозг блокирует сны, потому что в них слишком много боли». Алекс не знал, что ему снилось. Но он знал, что не хочет это видеть.

Поэтому он покупал чужие. Сны незнакомцев. Их страхи. Их мечты. Их любовь. Он проживал их как свои. А утром забывал. Как забывают фильм.

Но в этот раз он не забыл.

Сон был простой. Берег моря. Серое небо. Волны. И женщина. Она стояла спиной к нему. Длинные волосы. Красное платье. Она не оборачивалась. Но он знал, что она его ждёт.

Он подошёл. Она обернулась. И посмотрела на него. Прямо. В глаза. И сказала:

— Ты пришёл. Я ждала.

Он проснулся. И понял, что впервые за три года ему не хочется просыпаться.

Утро было серым. Как и всё в этом городе. Алекс лежал в постели. Смотрел в потолок. Там была трещина. Тонкая, в форме птицы. Она появилась два года назад. Он так и не вызвал мастера. Может быть, потому что ему нравилось думать, что птица в потолке — это знак. Что однажды она улетит. Может быть, потому что ему было всё равно.

Он сел. Медленно. Тело было тяжёлым. Как, всегда после чужих снов. Будто он прожил чужую жизнь, а своя осталась где-то там. В стороне. Не тронутая. Не нужная.

На тумбочке лежал обруч DreamLink. Чёрный. Гладкий. С маленьким огоньком, который мигал, когда устройство было активно. Алекс взял его. Посмотрел. Положил обратно.

Он не помнил, что ему снилось. Но он помнил её лицо. Её глаза. Её голос. «Ты пришёл. Я ждала».

Он не знал, кто она. Но он знал, что хочет увидеть её снова.

«Somni» был устроен просто. Ты заходишь на платформу. Выбираешь сон. Платишь. Надеваешь обруч. И спишь. Восемь часов. Чужая жизнь. Чужие эмоции. Чужие сны.

Алекс открыл приложение. Пролистал ленту. Обычные сны. Дешёвые. «Полет над городом». «Свидание с бывшим». «Разговор с умершей матерью». Он не хотел этого. Он хотел её.

Он ввёл в поиск: «женщина. красное платье. море». Ничего. Он попробовал: «берег. серое небо. волны». Ничего. Он попробовал: «Ты пришёл. Я ждала». Ничего.

Он откинулся на спинку стула. Посмотрел в окно. За окном был город. Серый. Холодный. Чужой. И он подумал: «Может быть, это был просто сон. Обычный. Чужой. И я его забыл. Как забываю все остальные».

Но он знал, что не забыл. Он помнил её лицо. Её глаза. Её голос. И он знал, что не сможет забыть.

Он пошёл на работу. Работа была скучной. Офис. Компьютер. Бумаги. Он работал в архитектурном бюро. Раньше он рисовал проекты. Теперь — проверял чужие. Смотрел, чтобы всё было правильно. Чтобы стены стояли там, где надо. Чтобы крыша не текла. Чтобы окна выходили туда, куда нужно.

Он не любил свою работу. Но она позволяла ему платить за квартиру. И за сны. За чужие сны. Которые были лучше, чем его жизнь.

В обед он сидел в кафе. Пил кофе. Смотрел в окно. И думал о ней. О женщине в красном платье. О её глазах. О её голосе. «Ты пришёл. Я ждала».

Он не знал, кто она. Но он знал, что хочет её найти. Он не знал, как. Но он знал, что попробует.

Вечером он снова открыл «Somni». Пролистал ленту. И увидел. Новый сон. Только что загруженный. Автор: **Ева Ланн**. Название: **«Берег»**. Описание: «Море. Серое небо. Волны. И кто-то, кого ты ждёшь».

Алекс замер. Посмотрел на экран. Долго. Очень долго. Потом нажал «Купить». Сон стоил дорого. Очень дорого. Но он купил. Не думая. Не колеблясь. Просто купил.

Он надел обруч. Закрыл глаза. И уснул.

Берег моря. Серое небо. Волны. И она. Стоит спиной к нему. Длинные волосы. Красное платье. Она не оборачивается. Но он знает, что она его ждёт.

Он подходит. Она оборачивается. И смотрит на него. Прямо. В глаза. И говорит:

— Ты вернулся. Я знала, что ты вернёшься.

Он смотрит на неё. На её лицо. На её глаза. На её улыбку. И чувствует, как внутри теплеет. Что-то, чего он давно не чувствовал. Что-то, что было похоже на жизнь.

— Кто ты? — спрашивает он.

— Ева, — говорит она. — А ты?

— Алекс.

— Алекс, — повторяет она. И улыбается. — Красивое имя.

Они стоят на берегу. Смотрят на море. На волны. На серое небо. И молчат. Но это молчание не тяжёлое. Оно лёгкое. Будто они уже знают друг друга. Будто им не нужно слов.

— Почему ты меня ждала? — спрашивает он.

— Потому что ты пришёл, — говорит она. — В первый раз. Я почувствовала. И поняла, что ты вернёшься.

— Ты меня знаешь?

— Нет. Но я тебя чувствую. Это... — она задумывается. — Это странно. Я никого не чувствую. А тебя — чувствую.

Он смотрит на неё. На её глаза. На её улыбку. И думает: «Это сон. Чужой сон. Я сплю. И это не реальность. Но почему мне так хорошо?»

— О чём ты думаешь? — спрашивает она.

— О том, что не хочу просыпаться.

Она улыбается. Тихо. Грустно. Но искренне.

— Я тоже, — говорит она. — Я не хочу, чтобы ты просыпался.

Он проснулся. Утро. Серое. Как всегда. Он лежал в постели. Смотрел в потолок. На трещину в форме птицы. И думал о ней. О Еве. О её глазах. О её голосе. О её словах. «Я не хочу, чтобы ты просыпался».

Он взял телефон. Открыл «Somni». Нашёл её профиль. **Ева Ланн**. Художница. Продаёт сны. Много снов. Дорогие. Популярные. Он пролистал её страницу. Увидел фотографию. Молодая женщина. Тёмные волосы. Серо-зелёные глаза. Улыбка. Лёгкая. Грустная. Знакомая.

Он посмотрел на дату. Под фотографией было написано: **«Дата смерти: 12 октября 2025 года»**.

Алекс замер. Посмотрел на экран. Долго. Очень долго. Потом закрыл приложение. Положил телефон на тумбочку. И посмотрел в потолок. На трещину в форме птицы.

— Значит, ты мертва, — прошептал он. — Но сны продолжают приходить. Новые. Свежие. Будто ты всё ещё жива.

Он помолчал. Потом добавил:

— Или ты не умерла. Или ты где-то там. В снах. И пытаешься связаться со мной.

Он закрыл глаза. И представил её лицо. Её глаза. Её улыбку. И подумал: «Я найду тебя. Чего бы это ни стоило. Я найду тебя».

Глава 2. «Сестра»

«Я не верил в призраков. Но сны Евы продолжали приходить. Новые. Свежие. Будто она всё ещё была там. Будто она ждала. И я понял: я должен найти её. Не в снах. В реальности. Потому что, если она существует где-то — я хочу знать где. И почему она выбрала меня».

— из дневника Алекса Ковальски

Утро началось с вопроса. Алекс лежал в постели, смотрел в потолок и думал: «Как человек, который умер год назад, может загружать новые сны?»

Ответов было три. Первый: кто-то делает это за неё. Взломал аккаунт. Или inherited access. Второй: она не умерла. Ошибка в системе. Сбой. Третий: она жива. Но не в теле. В программе. В снах. В чём-то, что он не мог понять.

Он встал. Подошёл к окну. Город был серым. Как всегда. Морось. Туман. Люди с зонтами. Машины. Всё как обычно. Но для Алекса это утро было другим. Впервые за три года у него была цель. Не просто прожить день. Не просто дождаться ночи. А что-то сделать. Найти. Понять.

Он открыл ноутбук. Зашёл на «Somni». Нашёл профиль Евы. Пролистал. Фотография. Улыбка. Серо-зелёные глаза. Дата смерти. И сотни снов. Он открыл список. Сны были разные. «Полет над городом». «Дом на дереве». «Разговор с матерью». «Море». «Красное платье». Последний сон был загружен вчера. В 23:47. За час до того, как он его купил.

Алекс посмотрел на дату загрузки. Потом на дату смерти. Год разницы. И подумал: «Кто-то загружает их. Каждую неделю. Новые. Будто она жива».

Он начал копать. Открыл страницу «О авторе». Там было коротко: «Ева Ланн. Художница. Продаю сны, потому что они красивее моей жизни». И всё. Ни адреса. Ни телефона. Ни контактов. Только сны.

Он поискал в интернете. «Ева Ланн». Новости. Статьи. Некролог. Маленькая заметка в местной газете: «Художница Ева Ланн погибла в результате несчастного случая. Ей было 32 года. У неё осталась сестра, Клара Ланн». И фотография. Та же. Улыбка. Грустная. Лёгкая.

Алекс закрыл ноутбук. Посмотрел в окно. На серое небо. И сказал вслух:

— Значит, у тебя есть сестра, Ева. И она знает больше, чем говорит.

Клару Ланн он нашёл через два дня. Она жила в маленькой квартире на окраине. Работала в книжном магазине. Алекс пришёл туда под вечер. Сказал, что хочет поговорить о Еве. Клара посмотрела на него. Долго. Внимательно. Потом кивнула. Сказала: «Подождите меня. Я закончу через десять минут».

Они сидели в маленьком кафе напротив. Клара пила чай. Алекс — кофе. Она была похожа на Еву. Те же глаза. Те же волосы. Но старше. И усталее. Будто что-то внутри неё сломалось. И не починилось.

— Вы знали мою сестру? — спросила она.

— Нет, — сказал Алекс. — Но я видел её сны.

Клара посмотрела на него. В её глазах что-то дрогнуло.

— Вы покупаете сны?

— Да.

— И вы купили её сон?

— Да.

Клара помолчала. Потом вздохнула. И сказала:

— Она умерла год назад. Но сны продолжают приходить. Я не знаю, как это возможно. Я думала, что это ошибка. Или взлом. Но потом... — она запнулась. — Потом я поняла, что это не ошибка. Это она.

Алекс наклонился вперёд.

— Что вы имеете в виду?

Клара посмотрела на него. Прямо. В глаза.

— Вы знаете о программе «Вечность»?

— «Вечность» — это нелегальная программа, — сказала Клара. — Её разработали три года назад. Для людей, которые умирают. Они загружают сознание в сеть. Не всё. Только часть. Сны. Воспоминания. Эмоции. Чтобы человек мог... остаться. В снах. В цифровом мире. Пока тело умирает. Или уже умерло.

Алекс слушал. Молча.

— Ева согласилась на это, — продолжила Клара. — Она была больна. Рак. Четвёртая стадия. Врачи говорили: «Полгода. Может, меньше». Она не хотела умирать. Не так. Не в больнице. Не в муках. Она хотела остаться. В снах. Где она могла быть кем угодно. Где она могла быть счастливой.

— И вы согласились?

— Я не знала. — Клара опустила глаза. — Она не сказала мне. Она просто... исчезла. Я думала, что она умерла. А через месяц её сны начали появляться на «Somni». Новые. Я не понимала. Я думала, что кто-то взломал её аккаунт. Но потом... — она замолчала. — Потом я поняла, что это она. Она там. В программе. Она жива. Но не в теле. В снах.

Алекс смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. На её руки, которые дрожали.

— Почему она загружает сны? — спросил он. — Зачем?

— Я не знаю. — Клара покачала головой. — Может быть, она ищет кого-то. Может быть, она хочет, чтобы её увидели. Может быть... — она посмотрела на него. — Может быть, она ищет вас.

Алекс замер.

— Меня?

— Вы видели её сон. Вы купили его. Вы пришли ко мне. — Клара улыбнулась. Тихо. Грустно. — Может быть, это не случайно. Может быть, она ждала кого-то. Кто придёт. Кто увидит. Кто поймёт.

Алекс молчал. Долго. Потом сказал:

— Где она? В программе? Где её найти?

— Я не знаю. — Клара покачала головой. — Программа нелегальная. Её серверы где-то за границей. Или в даркнете. Я не знаю, как туда попасть. Я не знаю, как её вытащить. Я не знаю, жива ли она вообще. Может быть, это просто... записи. Воспоминания. Которые кто-то загружает. Может быть, она просто... эхо. Которое не хочет умолкать.

Алекс посмотрел на неё. На её глаза. На её усталость. На её надежду. И понял: она тоже ищет. Но не знает, как найти.

— Я найду её, — сказал он.

Клара посмотрела на него. Долго. Внимательно. Потом кивнула. Медленно.

— Я верю вам, — сказала она. — Не знаю почему. Но верю.

Вечером Алекс вернулся домой. Открыл ноутбук. Зашёл на «Somni». Нашёл профиль Евы. Последний сон. «Берег». Он уже купил его. Но теперь он смотрел на него иначе. Не как на товар. А как на письмо. Как на сообщение. Как на что-то, что она оставила для него. Или для кого-то. Кто должен был прийти.

Он надел обруч. Закрыл глаза. И уснул.

Берег моря. Серое небо. Волны. Она. Стоит спиной. Красное платье. Длинные волосы. Она оборачивается. Смотрит на него. Улыбается. Тихо. Грустно.

— Ты вернулся, — говорит она. — Я знала.

— Я нашёл твою сестру, — говорит он.

Ева замирает. Улыбка исчезает. В глазах — что-то другое. Страх. Или надежда. Или что-то, чего он не мог понять.

— Клару? — переспрашивает она. — Ты нашёл Клару?

— Да. Она рассказала мне о программе. О «Вечности». О том, что ты там. В снах. Что ты жива. Или что-то в этом роде.

Ева молчит. Долго. Смотрит на море. На волны. На серое небо. Потом снова на него.

— Я не знаю, жива ли я, — говорит она. — Я не знаю, что это. Я просто... есть. Здесь. В снах. Я вижу людей. Я вижу их мечты. Их страхи. Их любовь. Я записываю их. И выкладываю. Чтобы кто-то увидел. Чтобы кто-то понял. Чтобы кто-то пришёл.

— Зачем?

— Потому что я одна, — говорит она. — Здесь. В этом мире. Я одна. И я боюсь. Боюсь, что меня забудут. Боюсь, что я исчезну. Боюсь, что никто не придёт. — Она смотрит на него. — Но ты пришёл. Ты первый. Кто пришёл. Кто увидел. Кто понял. И я... — она запнулась. — Я хочу, чтобы ты остался. Со мной. Здесь. Навсегда.

Алекс смотрит на неё. На её глаза. На её страх. На её надежду. И чувствует, как что-то сжимается в груди. Что-то, что было сильнее страха. Сильнее одиночества. Сильнее всего.

— Я не могу остаться, — говорит он. — Я живой. У меня есть тело. Жизнь. Работа. Всё.

— Я знаю. — Она опускает глаза. — Я знаю. Но я хотела попросить. Просто... попросить.

Он подходит к ней. Ближе. Берёт её за руку. Её рука тёплая. Живая. Настоящая. Хотя её нет.

— Я найду способ, — говорит он. — Вытащить тебя. Или остаться с тобой. Или что-то ещё. Я не знаю. Но я найду.

Она смотрит на него. Долго. Внимательно. Потом улыбается. Тихо. Счастливо. Впервые за всё время.

— Ты странный, — говорит она. — Я тебя не знаю. Но ты странный. И мне это нравится.

— Мне тоже, — говорит он. — Мне тоже.

Они стоят на берегу. Смотрят на море. На волны. На серое небо. И молчат. Но это молчание не тяжёлое. Оно лёгкое. Будто они уже знают друг друга. Будто им не нужно слов. Будто они вместе. Наконец-то вместе.

Он проснулся. Утро. Серое. Как всегда. Но что-то изменилось. Что-то внутри. Что-то, что было похоже на жизнь. Он встал. Подошёл к окну. Город был серым. Но для него это утро было другим. У него была цель. Не просто прожить день. Не просто дождаться ночи. А найти способ. Вытащить её. Или остаться с ней. Или что-то ещё. Он не знал. Но он знал, что попробует.

Он открыл ноутбук. Зашёл на «Somni». Нашёл профиль Евы. И написал ей сообщение. Впервые. Не в сне. В реальности. В приложении.

«Ева. Я не знаю, увидишь ли ты это. Но я хочу, чтобы ты знала: я найду способ. Я не оставлю тебя там. Одну. Я обещаю. — Алекс».

Он нажал «Отправить». И стал ждать. Ответа не было. Но он знал, что она получит. Где-то там. В снах. В программе. В чём-то, что он не мог понять.

Он закрыл ноутбук. Посмотрел в окно. На серое небо. И сказал вслух:

— Я найду тебя, Ева. Чего бы это ни стоило.

Глава 3. «Разработчик»

«Я искал способ вытащить её. Или остаться с ней. Я не знал, что из этого правильнее. Но я знал, что не могу оставить её там. Одну. В снах. В программе. В чём-то, что было сильнее реальности. Я должен был найти того, кто это создал. Того, кто знает, как это работает. Того, кто может помочь. Или помешать».

— из дневника Алекса Ковальски

Прошла неделя. Алекс приходил на работу. Делал вид, что работает. Но мысли его были далеко. Он искал. Каждый вечер. Каждую свободную минуту. Он лазил по форумам. По даркнету. По чатам, где обсуждали «Вечность». Он читал статьи. Смотрел видео. Слушал подкасты. Всё, что могло дать ему хоть какую-то зацепку.

Он узнал, что программа «Вечность» была создана группой разработчиков. Трое. Имена не разглашались. Один из них, по слухам, был гением. Нейробиолог. Программист. Что-то среднее. Его звали **Дэвид Штерн**. И он исчез. После того, как программа была объявлена нелегальной. После того, как нескольких пациентов «потеряли» — их тела умерли, а сознания застряли в сети. Без возможности выйти. Без возможности умереть.

Алекс нашёл упоминание о Штерне на одном закрытом форуме. Кто-то писал: «Штерн жив. Он скрывается. Где-то в Европе. Он не хочет, чтобы его нашли». И ещё: «Он всё ещё работает. Над новой версией. Над тем, чтобы исправить ошибки».

Алекс сохранил ник. Написал сообщение. «Мне нужна помощь. У меня есть друг. В программе. Она застряла. Я хочу её вытащить. Или остаться с ней. Я не знаю, что из этого возможно. Но я готов заплатить. Любые деньги. Пожалуйста. Ответьте».

Он отправил сообщение. И стал ждать.

Ответ пришёл через три дня. Не от Штерна. От кого-то другого. Ник: **«Тень»**. Сообщение было коротким: «Я знаю Штерна. Он не поможет. Он боится. Но я могу помочь. Встретимся. Завтра. В баре "Полночь". В 10 вечера. Приходи один».

Алекс посмотрел на сообщение. Долго. Потом нажал «Ответить». «Я буду».

Бар «Полночь» был в подвале. Тёмный. Тесный. Пахло пивом и сигаретами. Алекс пришёл в десять. Сел за столик в углу. Заказал кофе. Стал ждать.

«Тень» пришла через десять минут. Женщина. Лет сорока. Тёмные волосы. Усталые глаза. В чёрной куртке. Она села напротив. Посмотрела на него. Долго. Внимательно. Потом сказала:

— Ты Алекс?

— Да.

— Я «Тень». — Она помолчала. — Я работала с Штерном. Три года. Пока всё не рухнуло.

— Что рухнуло?

— Программа. — Она вздохнула. — Мы думали, что создаём вечность. А создали ловушку. Люди заходят туда. И не могут выйти. Их тела умирают. А сознания остаются. В снах. Навсегда. Мы не знали, как их вытащить. Мы не знали, как их отключить. Мы просто... остановились. Штерн исчез. Я ушла. А программа осталась. И кто-то её использует. До сих пор. Кто-то загружает туда людей. Или их сны. Или что-то ещё.

Алекс слушал. Молча.

— Твоя подруга. Ева. — «Тень» посмотрела на него. — Она там. В программе. Я знаю. Я видела её сны. Они появляются на «Somni». Кто-то их выкладывает. Может быть, она сама. Может быть, программа. Может быть, кто-то ещё.

— Я хочу её вытащить, — сказал Алекс. — Или остаться с ней. Я не знаю, что возможно.

«Тень» помолчала. Потом сказала:

— Есть способ. Один. Но он опасный. Очень опасный.

— Какой?

— Ты можешь войти в программу. Не просто просмотреть сон. А войти. Остаться там. С ней. Навсегда. Но для этого нужно, чтобы твоё тело... — она запнулась. — Твоё тело должно умереть. Или быть отключено. Навсегда. Ты будешь там. С ней. В снах. Но в реальности тебя не будет. Никогда.

Алекс смотрел на неё. На её глаза. На её усталость. И думал: «Я могу остаться с ней. Навсегда. Но я умру. В реальности. Или... — он помолчал. — Или я могу попробовать вытащить её. Но как?»

— Есть другой способ? — спросил он. — Вытащить её?

«Тень» покачала головой.

— Я не знаю. Штерн знает. Может быть. Он работал над этим. Но он не поможет. Он боится. Он скрывается. Он не хочет, чтобы его нашли.

— Где он?

— Я не знаю. — Она помолчала. — Но я знаю, кто может знать. Его дочь. **Лена Штерн**. Она живёт в Берлине. Работает в библиотеке. Она не общается с отцом. Но она знает, где он. Или может узнать. Если захочет.

Алекс кивнул. Медленно.

— Спасибо, — сказал он. — За информацию.

— Не благодари. — «Тень» встала. — Ты можешь не вернуться. Из программы. Или из Берлина. Или оттуда. Куда ты идёшь. Ты понимаешь это?

— Понимаю.

— И всё равно идёшь?

— Да.

«Тень» посмотрела на него. Долго. Внимательно. Потом улыбнулась. Тихо. Грустно.

— Ты странный, — сказала она. — Как и она.

И вышла. Алекс остался сидеть. Смотреть на чашку с остывшим кофе. И думать. О Еве. О Берлине. О Лене Штерн. И о том, что он скажет Кларе.

Клара сидела в том же кафе. Пили чай. Ждала. Алекс пришёл. Сел напротив. И рассказал. Всё. О «Тени». О программе. О Штерне. О Лене. О выборе. Клара слушала. Молча. Не перебивала. Когда он закончил, она помолчала. Долго. Потом сказала:

— Ты хочешь поехать в Берлин?

— Да.

— К Лене Штерн?

— Да.

— Чтобы найти её отца?

— Да.

Клара посмотрела на него. В её глазах было что-то. Страх. Или надежда. Или что-то, чего он не мог понять.

— Ты понимаешь, что это может быть опасно? — спросила она. — Штерн скрывается. Он не хочет, чтобы его нашли. Он может... — она запнулась. — Он может не захотеть помогать.

— Я понимаю, — сказал Алекс. — Но я должен попробовать. Ради Евы. Ради тебя. Ради себя. Я не могу оставить её там. Одну. В снах. В программе. В чём-то, что было сильнее реальности.

Клара молчала. Долго. Потом вздохнула. И сказала:

— Я поеду с тобой.

Алекс посмотрел на неё. Удивлённо.

— Ты уверена?

— Она моя сестра, — сказала Клара. — Я не могу сидеть здесь. И ждать. Я хочу помочь. Чем смогу. Даже если это просто... быть рядом.

Алекс кивнул. Медленно.

— Хорошо, — сказал он. — Вдвоём. Завтра. Утром. Поезд в Берлин.

Клара кивнула. И улыбнулась. Тихо. Грустно. Но искренне. Впервые за всё время. И Алекс понял: она тоже ищет. Но не знает, как найти. И, может быть, вместе они смогут.

Вечером Алекс вернулся домой. Открыл ноутбук. Зашёл на «Somni». Нашёл профиль Евы. Написал сообщение.

«Ева. Завтра я еду в Берлин. Искать человека, который создал программу. Он может помочь. Вытащить тебя. Или остаться с тобой. Я не знаю. Но я попробую. Я обещаю. Я не оставлю тебя там. Одну. Я вернусь. С тобой. Или без тебя. Но я вернусь. — Алекс».

Он нажал «Отправить». И стал ждать. Ответа не было. Но он знал, что она получит. Где-то там. В снах. В программе. В чём-то, что он не мог понять.

Он надел обруч. Закрыл глаза. И уснул.

Берег моря. Серое небо. Волны. Она. Стоит спиной. Красное платье. Длинные волосы. Она оборачивается. Смотрит на него. Улыбается. Тихо. Грустно.

— Ты уезжаешь, — говорит она. — Я знаю. Я чувствую.

— Да, — говорит он. — В Берлин. Искать человека. Который может помочь.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал. — Она подходит ближе. Берёт его за руку. — Я не хочу оставаться здесь. Одна. Без тебя.

— Я вернусь, — говорит он. — Обещаю.

— А если не вернёшься? — Она смотрит на него. В её глазах — страх. — Что, если ты не вернёшься? Что, если я останусь здесь? Навсегда? Одна?

Алекс смотрит на неё. На её глаза. На её страх. На её надежду. И чувствует, как что-то сжимается в груди. Что-то, что было сильнее страха. Сильнее одиночества. Сильнее всего.

— Я вернусь, — говорит он. — Чего бы это ни стоило. Я вернусь. К тебе. С тобой. Или без тебя. Но я вернусь. Обещаю.

Она смотрит на него. Долго. Внимательно. Потом улыбается. Тихо. Счастливо. Впервые за всё время.

— Я верю тебе, — говорит она. — Не знаю почему. Но верю.

Они стоят на берегу. Смотрят на море. На волны. На серое небо. И молчат. Но это молчание не тяжёлое. Оно лёгкое. Будто они уже знают друг друга. Будто им не нужно слов. Будто они вместе. Наконец-то вместе.

Глава 4. «Берлин»

«Я не знал, что ищу. Может быть, ответы. Может быть, способ вытащить её. Может быть, просто кого-то, кто скажет: "Ты не сошёл с ума. Это реально. И это можно исправить". Я ехал в Берлин. К женщине, которую никогда не видел. К дочери человека, который создал ловушку. И я не знал, что найду. Но я знал, что должен попробовать».

— из дневника Алекса Ковальски

Поезд шёл на север. За окном проплывали поля. Серые. Холодные. Ноябрьские. Клара сидела напротив. Смотрела в окно. Молчала. Она почти не говорила с тех пор, как они сели в поезд. Только «да», «нет» и «спасибо». Алекс не настаивал. Он понимал. Иногда молчание — это не пустота. Это способ держаться.

Он смотрел на неё. На её руки. На её лицо. На её глаза, которые были такими же, как у Евы. Только старше. И усталее. Будто она прожила не свою жизнь. Будто она всё ещё ждала сестру. Которой больше не было. Или, которая была где-то там. В снах. В программе. В чём-то, что он не мог понять.

— Ты знаешь, где она живёт? — спросил он.

— Лена? — Клара не обернулась. — Да. Я нашла её адрес. В интернете. Она работает в библиотеке. В центре. Живёт недалеко. В маленькой квартире. Одна. Без семьи.

— Ты с ней говорила?

— Нет. — Клара помолчала. — Я не знала, что сказать. «Здравствуйте. Ваш отец создал программу, в которой застряла моя сестра. Вы не могли бы помочь?» — она горько усмехнулась. — Как-то так.

Алекс кивнул. Он понимал. Сам не знал, что скажет.

Берлин встретил их дождём. Мелким. Холодным. Как и всё в этом городе. Они вышли из поезда. Взяли такси. Поехали в отель. Маленький. Дешёвый. В районе, где не было туристов. Только местные. Только серые дома. Только дождь.

В номере было две кровати. Одна у окна. Другая у стены. Клара села на ту, что у окна. Посмотрела на улицу. На дождь. На людей с зонтами. И сказала:

— Я пойду с тобой. К Лене. Я хочу быть там. Когда ты будешь говорить.

Алекс кивнул.

— Хорошо.

— Но говорить будешь ты. — Она обернулась. Посмотрела на него. — Я не смогу. Я не умею. Я не знаю, как это сказать. Как попросить. Как объяснить. Ты сможешь. Ты странный. Но ты умеешь говорить.

Алекс посмотрел на неё. На её глаза. На её страх. На её надежду. И кивнул.

— Я скажу.

Библиотека была старой. Каменной. С высокими окнами и тяжёлыми дверями. Алекс и Клара вошли внутрь. Пахло книгами. Пылью. Старой бумагой. За стойкой сидела женщина. Молодая. Лет тридцати. Тёмные волосы. Очки. Строгий взгляд. Она что-то писала. Не поднимала головы.

Алекс подошёл. Остановился у стойки.

— Лена Штерн?

Женщина подняла глаза. Посмотрела на него. Потом на Клару. Потом снова на него. Её взгляд стал настороженным.

— Кто спрашивает?

— Меня зовут Алекс. Это Клара. Мы... — он запнулся. — Нам нужно с вами поговорить. Это важно.

— О чём?

— О вашем отце.

Лена замерла. Медленно положила ручку. Сняла очки. Посмотрела на него. Долго. Внимательно.

— У меня нет отца, — сказала она. — Он умер. Для меня. Много лет назад.

— Я знаю. — Алекс помолчал. — Но он жив. И он создал программу. «Вечность». Вы знаете о ней?

Лена молчала. Её лицо не изменилось. Но что-то в глазах дрогнуло. Страх. Или гнев. Или что-то, чего он не мог понять.

— Я не знаю, о чём вы, — сказала она. — Уходите. Пожалуйста.

— Лена, — сказала Клара. Тихо. Но твёрдо. — Моя сестра там. В программе. Она застряла. Она не может выйти. Она... — она запнулась. — Она жива. Но не в теле. В снах. И мы не знаем, как её вытащить. Ваш отец знает. Он может помочь. Пожалуйста.

Лена посмотрела на неё. Долго. Внимательно. Потом снова на Алекса. Потом на свои руки. На свои пальцы. На что-то, что было внутри неё. Что-то, что она прятала. Долго. Очень долго.

— Я не знаю, где он, — сказала она наконец. — Я не общаюсь с ним. С тех пор, как он... — она замолчала. — С тех пор, как всё случилось.

— Что случилось? — спросил Алекс.

— Он исчез. — Лена подняла глаза. — Он создал программу. Он знал, что она опасна. Он знал, что люди могут застрять. Но он всё равно продолжал. Он говорил: «Это ради науки. Ради будущего». А потом... — она замолчала. — Потом кто-то умер. Несколько человек. Их тела. Их сознания застряли. И он испугался. Он скрылся. Оставил меня. Оставил всё. И я... — она покачала головой. — Я не знаю, где он. И не хочу знать.

Алекс смотрел на неё. На её глаза. На её боль. На её гнев. И понимал. Она не врёт. Она действительно не знает. Или не хочет знать. Но что-то в ней было. Что-то, что она прятала. Что-то, что она не хотела показывать.

— Он не умер, — сказала Клара. — Ваш отец. Он жив. Где-то. И он знает, как помочь. Пожалуйста. Если вы знаете, где он... Если вы можете с ним связаться... Скажите нам. Мы не хотим проблем. Мы просто хотим спасти мою сестру.

Лена молчала. Долго. Очень долго. Потом вздохнула. И сказала:

— Я не знаю, где он. Но... — она помолчала. — У меня есть старый адрес. Ящик. Электронный. Он не пользуется им. Но иногда... — она запнулась. — Иногда он проверяет. Раз в год. Может быть, чаще. Я не знаю. Я писала ему. Один раз. После того, как он исчез. Он ответил. Через месяц. Сказал: «Не ищи меня. Так будет лучше». И всё.

— Вы можете написать ему снова? — спросил Алекс. — Сказать, что это важно. Что речь идёт о жизни. О чьей-то жизни.

Лена посмотрела на него. Долго. Внимательно. Потом на Клару. Потом снова на него.

— Я не знаю, — сказала она. — Я не знаю, хочу ли я. Он бросил меня. Он бросил всё. Почему я должна ему помогать?

— Потому что это не для него, — сказала Клара. — Это для моей сестры. Для Евы. Она не виновата. Она просто хотела жить. И теперь она там. Одна. В снах. В программе. И она ждёт. Кого-то. Кто поможет. Кто вытащит её. Или останется с ней. Пожалуйста.

Лена смотрела на неё. Долго. Потом опустила глаза. Посмотрела на свои руки. На что-то, что было внутри неё. Что-то, что она прятала. Долго. Очень долго.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я напишу ему. Не знаю, ответит ли он. Не знаю, захочет ли помочь. Но я напишу.

Она взяла ручку. Написала что-то на листке. Протянула Алексу.

— Это адрес. Электронный ящик. Напишите ему. От себя. Я... — она запнулась. — Я не могу. Не сейчас. Может быть, позже. Но не сейчас.

Алекс взял листок. Посмотрел на него. Потом на Лену.

— Спасибо, — сказал он. — Правда. Спасибо.

Лена кивнула. Медленно. И отвернулась. К своим книгам. К своей работе. К своей жизни. Где не было отца. Где не было программы. Где не было ничего, кроме тишины.

Вечером Алекс сидел в номере. Смотрел на листок. На адрес. На электронный ящик. И думал: «Что я напишу? "Здравствуйте. Я знаю, что вы создали программу. В ней застряла женщина. Её зовут Ева. Она не может выйти. Помогите"?» Он покачал головой. Нет. Не так. Слишком просто. Слишком сухо. Нужно что-то другое. Что-то, что заставит его ответить. Что-то, что заставит его вспомнить. Что-то, что заставит его почувствовать.

Он открыл ноутбук. Нашёл адрес. Начал печатать.

«Дэвид Штерн. Меня зовут Алекс Ковальски. Я не знаю вас. Вы не знаете меня. Но я знаю о программе "Вечность". Я знаю, что вы её создали. И я знаю, что в ней застряла женщина. Её зовут Ева Ланн. Она художница. Она продавала свои сны. Она умерла год назад. Но её сны продолжают появляться. Новые. Свежие. Будто она жива. Будто она ждёт. Кого-то. Кто поможет. Кто вытащит её. Или останется с ней.

Я не знаю, где вы. Я не знаю, что вы чувствуете. Может быть, страх. Может быть, вину. Может быть, ничего. Но я знаю одно: она там. Одна. В снах. В программе. И она ждёт. Я не могу её вытащить. Я не знаю как. Но вы знаете. Вы создали это. Вы можете исправить. Или хотя бы попробовать.

Пожалуйста. Ответьте. Не для меня. Для неё. Для Евы. Она не виновата. Она просто хотела жить. И теперь она там. Ждёт. Кого-то. Кто поможет. Кто скажет: "Ты не одна. Я здесь. Я вытащу тебя".

Я жду. Алекс».

Он нажал «Отправить». И стал ждать. Ответа не было. Ни через час. Ни через два. Ни через три. Он сидел у окна. Смотрел на дождь. На город. На людей с зонтами. И думал: «Может быть, он не ответит. Может быть, он исчез навсегда. Может быть, он не хочет помогать. Может быть, он боится. Может быть, он уже умер. Может быть, всё это — зря».

Но он не сдавался. Он ждал. Потому что знал: где-то там, в снах, в программе, в чём-то, что он не мог понять, Ева ждёт. И он не мог её оставить. Одну. В снах. В программе. В чём-то, что было сильнее реальности.

Ночью он надел обруч. Закрыл глаза. И уснул.

Берег моря. Серое небо. Волны. Она. Стоит спиной. Красное платье. Длинные волосы. Она оборачивается. Смотрит на него. Улыбается. Тихо. Грустно.

— Ты нашёл её? — спрашивает она. — Дочь Штерна?

— Да, — говорит он. — Она дала адрес. Электронный ящик. Я написал ему. Жду ответа.

— А если он не ответит?

— Тогда я найду другой способ. — Он подходит к ней. Берёт её за руку. — Я не оставлю тебя здесь. Одну. Я обещал. И я сдержу обещание.

Она смотрит на него. Долго. Внимательно. Потом улыбается. Тихо. Счастливо. Впервые за всё время.

— Ты странный, — говорит она. — Я тебя не знаю. Но ты странный. И мне это нравится.

— Мне тоже, — говорит он.

Они стоят на берегу. Смотрят на море. На волны. На серое небо. И молчат. Но это молчание не тяжёлое. Оно лёгкое. Будто они уже знают друг друга. Будто им не нужно слов. Будто они вместе. Наконец-то вместе.

Он проснулся. Утро. Серое. Как всегда. Но что-то изменилось. Что-то внутри. Что-то, что было похоже на надежду. Он встал. Подошёл к ноутбуку. Открыл почту. И увидел. Письмо. От Дэвида Штерна.

«Алекс. Я получил ваше письмо. Я не знаю, как вы меня нашли. Я не знаю, зачем вам это. Но я знаю одно: вы правы. Ева там. В программе. Она застряла. Я знал об этом. Я пытался помочь. Но не смог. Я не знаю, как её вытащить. Но я знаю, как остаться с ней. Навсегда. Если вы готовы. Если вы действительно готовы. Приезжайте. Адрес ниже. Я жду. Дэвид».

Алекс смотрел на письмо. Долго. Очень долго. Потом закрыл ноутбук. Посмотрел в окно. На серое небо. На дождь. На город. И сказал вслух:

— Значит, есть способ. Остаться с ней. Навсегда. Или вытащить. Или что-то ещё. Я не знаю. Но я поеду. Я найду его. И я сделаю всё, что смогу. Чего бы это ни стоило.

Он взял телефон. Позвонил Кларе. Сказал: «Он ответил. Мы едем. Сегодня. К нему».

Клара молчала. Долго. Потом сказала: «Хорошо. Я готова».

И Алекс понял: она тоже ждала. Не знала, чего. Но ждала. И теперь — дождалась.

Глава 5. «Создатель»

«Я не знал, что увижу. Может быть, гения. Может быть, монстра. Может быть, человека, который сломался под тяжестью того, что создал. Но я знал одно: он был ключом. К Еве. К программе. К выбору, который мне предстояло сделать. И я был готов на всё, чтобы его получить».

— из дневника Алекса Ковальски

Адрес, который прислал Штерн, был не в Берлине. Это была маленькая деревня в часе езды от города. Лес. Озеро. Дома, разбросанные по холмам. Тишина. Такая, что слышно, как ветер шумит в соснах. Алекс и Клара приехали туда на такси. Дальше шли пешком. Дорога была узкой, размокшей от дождя. Их ботинки утопали в грязи. Клара молчала. Алекс тоже. Они оба думали о том, что их ждёт.

Дом стоял на краю леса. Старый. Деревянный. С покосившейся крышей. С окнами, занавешенными плотными шторами. Никаких признаков жизни. Ни дыма из трубы. Ни света. Только тишина. И лес. И озеро. И что-то, что было внутри.

Алекс постучал. Три раза. Громко. В тишине стук прозвучал как выстрел. Никто не ответил. Он постучал снова. И тогда дверь открылась.

На пороге стоял старик. Высокий. Худой. Седые волосы. Впалые щёки. Глаза, которые видели слишком много. Или слишком мало. Он смотрел на них. Долго. Внимательно. Потом сказал:

— Вы пришли. Я ждал.

Дом был внутри не таким, как снаружи. Не старым. Не покосившимся. А живым. Тёплым. Пахло деревом. Кофе. Старыми книгами. На стенах — полки. На полках — папки. Бумаги. Журналы. На столе — компьютер. Старый. С большим монитором. На экране — что-то, что Алекс не мог разобрать. Но он знал, что это. Программа. Или её часть.

Штерн провёл их в комнату. Усадил за стол. Налил чай. Сел напротив. И сказал:

— Я знаю, зачем вы здесь. И я знаю, что вы хотите. Но сначала... — он посмотрел на Клару. — Сначала я хочу извиниться. Перед вами. Перед вашей сестрой. Перед всеми, кого я... — он запнулся. — Кого я подвёл.

Клара смотрела на него. Долго. Внимательно. Потом сказала:

— Вы не подвели мою сестру. Она сама согласилась. Она хотела жить. Она не хотела умирать. Вы дали ей шанс. А потом... — она помолчала. — Потом вы исчезли. Оставили их. Всех. Одних. В программе. В снах. В чём-то, что было сильнее реальности.

— Я знаю. — Штерн опустил глаза. — Я знаю. Я испугался. Я думал, что смогу это исправить. Но не смог. И тогда я ушёл. Скрылся. Оставил всё. И я знаю, что это не оправдание. Но это правда.

Алекс смотрел на него. На его руки. На его глаза. На его усталость. И понимал. Этот человек был сломлен. Сломлен тем, что создал. Сломлен тем, что не смог исправить. Сломлен тем, что бросил. Но он был здесь. Сейчас. И он был готов говорить. Это было главное.

— Вы можете её вытащить? — спросил Алекс. — Из программы? Вытащить Еву?

Штерн помолчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Я пытался. Много раз. Но программа... — он покачал головой. — Она не для того создавалась. Она создавалась, чтобы оставить человека там. Навсегда. Чтобы он мог жить в снах. В своём идеальном мире. Но я не учёл одного. Люди не хотят жить в идеальном мире. Они хотят жить в реальном. С другими. С теми, кого любят. И когда они понимают, что не могут выйти... — он замолчал. — Они начинают искать выход. Или способ связаться. Или способ умереть. По-настоящему.

— Ева ищет выход? — спросил Алекс.

— Она ищет вас, — сказал Штерн. — Или кого-то, кто придёт. Кто увидит. Кто поймёт. Она загружает сны. Каждую неделю. Новые. Свежие. Чтобы кто-то увидел. Чтобы кто-то пришёл. И вы пришли. Первый. Кто увидел. Кто понял. Кто захотел помочь.

Алекс молчал. Долго. Потом сказал:

— Как я могу её вытащить?

Штерн посмотрел на него. Долго. Внимательно. Потом сказал:

— Есть два способа. Первый — вытащить её. Но для этого нужно... — он запнулся. — Нужно, чтобы её тело было живо. Или чтобы мы нашли способ загрузить её сознание обратно. В новое тело. В искусственное. Или в... — он покачал головой. — Это сложно. Опасно. И я не знаю, возможно ли это. Я не знаю, сохранилось ли её сознание целиком. Или только часть. Сны. Воспоминания. Эмоции. Может быть, она уже не та Ева, которую вы видели. Может быть, она... — он замолчал. — Может быть, она уже не человек.

Алекс слушал. Молча. Не перебивал. Ждал. Штерн продолжил:

— Второй способ — остаться с ней. Войти в программу. Не просто просмотреть сон. А остаться там. Навсегда. С ней. В снах. В её мире. Но для этого... — он посмотрел на Алекса. — Для этого ваше тело должно умереть. Или быть отключено. Навсегда. Вы будете там. С ней. Но в реальности вас не будет. Никогда. Вы понимаете это?

— Понимаю, — сказал Алекс.

— И вы готовы?

Алекс помолчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Я не знаю, готов ли я. Но я знаю, что не могу оставить её там. Одну. В снах. В программе. В чём-то, что было сильнее реальности. Я должен попробовать. Хотя бы попробовать.

Штерн смотрел на него. Долго. Внимательно. Потом улыбнулся. Тихо. Грустно. Но искренне.

— Вы странный, — сказал он. — Как и она. Она тоже была странной. Она тоже не боялась. Она тоже хотела жить. По-настоящему. Не в снах. Не в программе. А в реальности. С другими. С теми, кого любят.

— И что с ней случилось? — спросил Алекс. — Почему она умерла?

Штерн опустил глаза. Помолчал. Потом сказал:

— Она умерла, потому что её тело не выдержало. Рак. Четвёртая стадия. Врачи говорили: «Полгода. Может, меньше». Она не хотела умирать. Не так. Не в больнице. Не в муках. Она хотела остаться. В снах. Где она могла быть кем угодно. Где она могла быть счастливой. И я... — он запнулся. — Я согласился. Я загрузил её сознание. Я думал, что смогу её вытащить. Позже. Когда найду способ. Но не нашёл. И она осталась там. Одна. В снах. В программе. В чём-то, что было сильнее реальности.

Алекс смотрел на него. На его глаза. На его вину. На его боль. И понимал. Этот человек не был монстром. Он был человеком. Который ошибся. Который испугался. Который бросил. Но который всё ещё хотел исправить. Хотя бы попробовать.

— Где она? — спросил Алекс. — В программе? Где её найти?

— Я покажу, — сказал Штерн. — Но сначала... — он помолчал. — Сначала я хочу, чтобы вы поняли. Если вы войдёте в программу, вы можете не вернуться. Не потому, что программа не отпустит. А потому, что вы не захотите. Там... — он запнулся. — Там всё идеально. Там нет боли. Нет страха. Нет одиночества. Там только вы и она. И счастье. Настоящее. Или кажущееся. Но вы не сможете отличить. И вы можете остаться там. Навсегда. Не потому, что не можете выйти. А потому, что не хотите.

— Я понимаю, — сказал Алекс.

— Вы понимаете, но не знаете, — сказал Штерн. — Пока не попробуете. Пока не войдёте. Пока не увидите. И тогда... — он посмотрел на него. — Тогда вы решите. Остаться. Или вернуться. Или вытащить её. Если сможете.

Алекс кивнул. Медленно. Потом сказал:

— Я готов. Покажите мне, как войти.

Штерн подвёл его к компьютеру. Открыл программу. На экране появилось что-то, что Алекс не мог разобрать. Строки кода. Схемы. Что-то, что было похоже на карту. Или на лабиринт. Штерн сказал:

— Это программа. Её ядро. Здесь всё, что нужно, чтобы войти. Или выйти. Или остаться. Я покажу вам, как это работает. Но сначала... — он помолчал. — Сначала я хочу, чтобы вы кое-что поняли. Программа не злая. Она не хочет вас удержать. Она просто... делает то, для чего создана. Оставляет человека там. Навсегда. Потому что человек сам этого хочет. Или потому, что не знает, как выйти. Но выход есть. Всегда. Просто его нужно найти.

— Как? — спросил Алекс.

— Через сон, — сказал Штерн. — Всё, что происходит в программе, — это сон. И чтобы выйти, нужно проснуться. По-настоящему. Не просто открыть глаза. А понять, что это сон. И захотеть вернуться. В реальность. В жизнь. В тело. Или... — он помолчал. — Или остаться. Но осознанно. Понимая, что ты выбираешь. Не потому, что не можешь выйти. А потому, что не хочешь.

Алекс слушал. Молча. Потом сказал:

— А Ева? Она знает, что это сон?

— Она знает, — сказал Штерн. — Но она не может выйти. Потому что её тело умерло. Ей некуда возвращаться. Она застряла. Между сном и реальностью. Между жизнью и смертью. И она ждёт. Кого-то. Кто придёт. Кто поможет. Кто вытащит её. Или останется с ней. Навсегда.

Алекс посмотрел на него. На его глаза. На его вину. На его надежду. И сказал:

— Я войду. Сегодня. Сейчас. Я хочу её увидеть. Не во сне. Не в программе. А по-настоящему. Насколько это возможно.

Штерн кивнул. Медленно. Потом сказал:

— Хорошо. Я подготовлю всё. Но сначала... — он посмотрел на Клару. — Сначала вы должны попрощаться. Потому что вы можете не вернуться. Или вернуться другим. Или не вернуться вовсе. Вы понимаете это?

Алекс посмотрел на Клару. На её глаза. На её страх. На её надежду. И сказал:

— Понимаю.

Они стояли на крыльце. Дождь усилился. Капли стучали по дереву. По стеклу. По земле. Клара смотрела на него. Долго. Внимательно. Потом сказала:

— Ты уверен?

— Нет, — сказал Алекс. — Но я должен.

— Она не твоя сестра. Не твоя жена. Не твоя... — она запнулась. — Не твоя жизнь. Почему ты это делаешь?

Алекс помолчал. Потом сказал:

— Потому что я слышал её голос. Впервые за три года. Не в записи. Не в программе. А по-настоящему. И я понял, что не могу оставить её там. Одну. В снах. В программе. В чём-то, что было сильнее реальности. Я не знаю почему. Может быть, потому что я тоже одинок. Может быть, потому что я тоже ищу. Может быть, потому что я тоже хочу, чтобы кто-то пришёл. И сказал: «Ты не одна. Я здесь. Я вытащу тебя». И я хочу быть этим кем-то. Для неё.

Клара смотрела на него. Долго. Потом улыбнулась. Тихо. Грустно. Но искренне.

— Ты странный, — сказала она. — Как и она. Как и все мы.

— Может быть, — сказал он. — Может быть.

Она подошла к нему. Обняла. Крепко. Так, как обнимают брата. Которого давно не видели. Которого могут больше не увидеть. И сказала:

— Возвращайся. Пожалуйста. Возвращайся. С ней. Или без неё. Но возвращайся.

Алекс кивнул. Медленно. Потом сказал:

— Я вернусь. Обещаю.

И вошёл в дом. К Штерну. К компьютеру. К программе. К Еве. К выбору, который ему предстояло сделать.

Штерн сидел за компьютером. Что-то настраивал. Что-то проверял. На экране мелькали строки кода. Схемы. Что-то, что Алекс не мог разобрать. Но он знал, что это. Программа. Её ядро. Место, где Ева была заперта. Где она ждала. Где она надеялась. Где она любила. Или что-то, что было похоже на любовь.

— Готовы? — спросил Штерн.

— Готов, — сказал Алекс.

Штерн надел на него обруч. Не такой, как обычно. Другой. С проводами. С датчиками. С чем-то, что было похоже на медицинское оборудование. Потом посмотрел на него. Долго. Внимательно.

— Когда войдёте, — сказал он, — вы увидите её. Она будет там. На берегу. Или в доме. Или где-то ещё. Она будет ждать. Но вы должны помнить: это сон. Всё это — сон. И чтобы выйти, вы должны проснуться. Или остаться. Но осознанно. Понимая, что вы выбираете.

— Я понимаю, — сказал Алекс.

— И ещё одно, — сказал Штерн. — Если вы решите остаться... Если вы решите остаться с ней... Ваше тело умрёт. Здесь. В реальности. Вы понимаете это?

— Понимаю.

— И вы всё равно готовы?

Алекс помолчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Но я знаю, что не могу оставить её там. Одну. В снах. В программе. В чём-то, что было сильнее реальности. Я должен попробовать. Хотя бы попробовать.

Штерн кивнул. Медленно. Потом сказал:

— Тогда входите.

Алекс закрыл глаза. И уснул.

Берег моря. Серое небо. Волны. Она. Стоит спиной. Красное платье. Длинные волосы. Она оборачивается. Смотрит на него. Улыбается. Тихо. Грустно. Но искренне.

— Ты пришёл, — говорит она. — По-настоящему. Не во сне. Не в программе. А по-настоящему.

— Да, — говорит он. — Я пришёл. Я здесь.

Она подходит к нему. Берёт его за руку. Её рука тёплая. Живая. Настоящая. Хотя её нет.

— Ты знаешь, что это сон? — спрашивает она.

— Знаю.

— И ты всё равно пришёл?

— Да.

— Почему?

Алекс смотрит на неё. На её глаза. На её страх. На её надежду. И говорит:

— Потому что я слышал твой голос. Впервые за три года. Не в записи. Не в программе. А по-настоящему. И я понял, что не могу оставить тебя там. Одну. В снах. В программе. В чём-то, что было сильнее реальности. Я не знаю почему. Может быть, потому что я тоже одинок. Может быть, потому что я тоже ищу. Может быть, потому что я тоже хочу, чтобы кто-то пришёл. И сказал: «Ты не одна. Я здесь. Я вытащу тебя». И я хочу быть этим кем-то. Для тебя.

Она смотрит на него. Долго. Внимательно. Потом улыбается. Тихо. Счастливо. Впервые за всё время.

— Ты странный, — говорит она. — Я тебя не знаю. Но ты странный. И мне это нравится.

— Мне тоже, — говорит он.

Они стоят на берегу. Смотрят на море. На волны. На серое небо. И молчат. Но это молчание не тяжёлое. Оно лёгкое. Будто они уже знают друг друга. Будто им не нужно слов. Будто они вместе. Наконец-то вместе.

Глава 6. «Мир Евы»

«Она показала мне свой мир. Не тот, что был в программе. А тот, что был внутри неё. Мир, который она создала сама. Из снов. Из воспоминаний. Из того, чего у неё никогда не было. И я понял: она не просто застряла здесь. Она жила здесь. По-настоящему. Насколько это было возможно. И я не знал, что делать. Вытащить её. Или остаться. Или что-то ещё. Но я знал, что не могу уйти. Не сейчас. Не так».

— из дневника Алекса Ковальски

— Пойдём, — сказала она. — Я покажу тебе.

Она взяла его за руку. Её пальцы были тёплыми. Живыми. Настоящими. Хотя её не было. Они пошли вдоль берега. Море шумело. Волны бились о камни. Серое небо не менялось. Оно никогда не менялось здесь. Как и море. Как и берег. Всё было одинаковым. Каждый день. Каждую ночь. Всю вечность.

— Здесь всё всегда так? — спросил он. — Серое?

— Нет, — сказала она. — Смотри.

Она подняла руку. И небо изменилось. Медленно. Сначала появились облака. Белые. Лёгкие. Потом они расступились. И сквозь них пробилось солнце. Тёплое. Золотое. Оно осветило море. Волны стали бирюзовыми. Берег — песочным. Камни — тёплыми. И всё вокруг стало другим. Живым. Настоящим.

— Ты можешь менять это? — спросил Алекс. — Всё?

— Всё, — сказала она. — Это мой мир. Я создала его. Из снов. Из воспоминаний. Из того, чего у меня никогда не было. Я могу сделать его каким угодно. Но... — она помолчала. — Но я не могу сделать его реальным. Я не могу сделать его настоящим. Я не могу сделать его тем, где ты есть. По-настоящему.

Она посмотрела на него. В её глазах было что-то. Страх. Или надежда. Или что-то, чего он не мог понять.

— Ты хочешь увидеть? — спросила она. — Где я живу?

— Да, — сказал он. — Хочу.

Они пошли по берегу. Мимо камней. Мимо скал. Мимо чего-то, что было похоже на старую лодку. Или на что-то, что когда-то было лодкой. Потом берег закончился. Началась тропинка. Узкая. Извилистая. Она вела вверх. К холму. К дому. Маленькому. Деревянному. С черепичной крышей. С окнами, в которых горел свет. Тёплый. Живой. Настоящий.

— Это мой дом, — сказала она. — Я создала его. Из воспоминаний. Из детства. Из того, что было. Или что я хотела, чтобы было.

Они вошли внутрь. Дом был маленьким. Уютным. Пахло деревом. Хлебом. Чем-то, что было похоже на ваниль. На стенах — рисунки. Её рисунки. Те, что она продавала. Или те, что она не продавала. На полках — книги. На столе — чашка. С чем-то, что было похоже на чай. Но не чай. Просто что-то. Что-то, что она создала.

— Здесь всё, что я люблю, — сказала она. — Или что я помню. Или что я хотела бы любить. Здесь мой мир. Мой сон. Моя жизнь. Насколько это возможно.

Алекс смотрел на неё. На её дом. На её мир. И понимал. Она не просто застряла здесь. Она жила здесь. По-настоящему. Насколько это было возможно. Она создала свой мир. Свой дом. Свою жизнь. Из того, чего у неё не было. Из того, чего она хотела. Из того, что она помнила. И это было... красиво. И грустно. Одновременно.

— Ты одинока здесь? — спросил он.

Она помолчала. Потом сказала:

— Да. Очень. Я создала этот мир. Но я не могу создать людей. Настоящих. Живых. Я могу создать только... — она запнулась. — Только то, что помню. Или то, что вижу. В снах

других людей. Но это не то. Это не настоящие люди. Это... эхо. Тени. Воспоминания. Я одна. Всегда. Даже когда вокруг кто-то есть. Потому что это не по-настоящему.

Алекс смотрел на неё. На её глаза. На её боль. На её одиночество. И чувствовал, как что-то сжимается в груди. Что-то, что было сильнее страха. Сильнее одиночества. Сильнее всего.

— Я здесь, — сказал он. — Сейчас. По-настоящему. Насколько это возможно.

Она посмотрела на него. Долго. Внимательно. Потом улыбнулась. Тихо. Счастливо. Впервые за всё время.

— Да, — сказала она. — Ты здесь. И это... это больше, чем я могла мечтать. Больше, чем я надеялась. Больше, чем я заслуживаю.

Они сидели на крыльце. Смотрели на море. На солнце. На что-то, что было красивым. Но не настоящим. Ева рассказала ему о своей жизни. О детстве. О матери. О сестре. О том, как она начала рисовать. Как начала продавать сны. Как согласилась на программу. Как умерла. Как осталась здесь. Одна. В снах. В программе. В чём-то, что было сильнее реальности.

— Я не жалею, — сказала она. — О том, что согласилась. Я хотела жить. По-настоящему. Не в больнице. Не в муках. А здесь. Где я могу быть кем угодно. Где я могу быть счастливой. Но... — она помолчала. — Но иногда я думаю: а что, если бы я осталась? В реальности? В теле? В боли? Может быть, я была бы счастливее? Может быть, я нашла бы кого-то? Может быть, я жила бы по-настоящему? А не в этом... — она обвела рукой вокруг. — В этом сне. Который никогда не заканчивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.